

Ли Жун почувствовал тепло чужой ладони и медленно опустил веки, перенеся часть своего веса на ладонь Цэнь Сяо.

Пальцы его соседа по парте были сухими, а у их основания виднелись мозоли — верный признак многолетних тренировок с оружием. Однако именно эта физическая мощь и уверенность в каждом движении дарили странное, почти забытое чувство безопасности. Староста молчал, ощущая, как напряжение покидает его тело. Он медленно поднял нож, лезвие которого всё ещё было перепачкано кровью, оставив на полу грязный след.

Яркий свет люстры бил прямо сверху, и тени от растрепанных волос скрывали его лицо, помогая совладать с эмоциями. Ли Жун перехватил нож, стараясь не задеть раненого, упёрся коленом в твёрдый пол и, собрав силы, медленно поднялся на ноги.

Грабитель наконец осмелился прижать ладонь к порезу на шее. Он судорожно, с хрипом втягивал воздух, чувствуя колоссальное облегчение. Поняв, что рана неглубокая, он начал приходить в себя, хотя в его расширенных зрачках всё ещё плескался первобытный ужас.

Цэнь Сяо убрал руку от подбородка Ли Жуна и вместо этого крепко обхватил его за запястье. Его голос, обращенный к лежащему на полу человеку, прозвучал пугающе буднично:

— Не дергайся.

Смуглолицый встретился взглядом с вошедшим и тут же плотно сжал губы. Кожа на голове у него зачесалась от дурного предчувствия. Этот парень, едва переступив порог, даже не взглянул на него — его совершенно не волновало, жив вор или мертв. Казалось, вид крови и следы ножа на полу для него были чем-то обыденным.

Такое ледяное безразличие давило сильнее любого гнева. Если тот изящный юноша мог убить его в порыве чувств, то этот человек отправил бы его на тот свет с абсолютно спокойным лицом. Вор замер, не смея пошевелиться.

Цэнь Сяо подвёл Ли Жуна к раковине и, взглянув на его окровавленные пальцы, потянулся к ножу. Юноша инстинктивно дернулся, не желая выпускать оружие. Собеседник негромко вздохнул и с мягкой силой разжал его ладонь.

— Со мной он тебе больше не понадобится.

Ли Жун разжал пальцы. Нож со звоном упал в раковину и несколько раз перевернулся. Цэнь Сяо открыл кран, и мощный поток воды ударил в сталь. Кровь мгновенно растворилась и ушла в сток. Затем он закатал рукав Ли Жуна и подставил его правую руку под струю.

Вода была холодной. Едва коснувшись ледяного потока, юноша непроизвольно сжал пальцы. Цэнь Сяо, не терпя возражений, принялся бережно, но тщательно промывать каждый его палец. Руки Ли Жуна были тонкими и бледными, сквозь светлую кожу просвечивали синеватые вены. Кроме мозоли на среднем пальце от вечного держания ручки, на них не было ни единого изъяна.

Его ладони были на удивление мягкими. В ярком свете ламп линии на них казались запутанными, а нить, отвечающая за жизнь, терялась среди других знаков, переплетаясь в сложный узел. Он касался каждого миллиметра его кожи, вымывая запекшуюся кровь из-под ногтей и из мелких складок. Ли Жун смотрел на свои ладони, к которым постепенно возвращалась чистота, и его дыхание окончательно выровнялось.

Цэнь Сяо выдавил немного мыла. Белая пена окутала руки Ли Жуна, окончательно смывая слабый запах железа. Тщательно ополоснув их, он наконец отпустил его запястье и протянул бумажное полотенце.

Он молча взял его, мельком взглянув на свою руку. Цэнь Сяо не сжимал её слишком сильно, но на коже всё равно остался бледный след от его пальцев. Ли Жун подумал: если бы он действительно промахнулся и вскрыл вору артерию, Цэнь Сяо, вероятно, всё так же спокойно отмывал бы его руки от крови.

Цэнь Сяо вытер свои ладони и, оставив Ли Жуна у раковины, вернулся к прихожей. Он присел на корточки перед грабителем, который всё ещё зажимал шею, обливаясь потом от боли. Подняв с пола крафтовый пакет, он осмотрел его. Никаких имен — только две буквы GT, выведенные черным маркером в нижнем углу. Бумага пожелтела от времени, надпись слегка выцвела, но сам конверт был туго набит плотными листами.

Цэнь Сяо бросил мокрую салфетку прямо в лужу крови у колена вора.

— Рассказывай. Зачем пришел?

Грабитель стиснул зубы, его голос дрожал:

— Можешь... можешь сначала плечо вправить? Я... я не буду сопротивляться, клянусь. Сил нет, как больно.

Губы Цэнь Сяо тронула едва заметная усмешка. Он перевел взгляд на порез на шее мужчины.

— Не люблю, когда мне ставят условия.

Юноша, стоя спиной к прихожей и опираясь на раковину, почувствовал, как по коже пробежал холодок. Цэнь Сяо действительно не любил торговаться. Он всегда действовал так, чтобы у противника не оставалось иного выбора. Когда-то он вел себя так и с ним.

Вор испуганно вжался в стену. Подволакивая безвольно висящую правую руку, он с трудом сел. Спорить больше не решался.

— Я это... по мелочи обычно подрезаю. Пару дней как из обезьянника вышел. Кое-кто прознал про мои таланты и нанял... велел этот пакет утащить. Сказал, там какой-то компромат на него, шантажируют его, мол. Хотел улики уничтожить. Я-то, ясное дело, не поверил — небось задолжал кому и решил долговые расписки сжечь. Ну, он сразу десятку пообещал.

— Я перед делом-то всё разузнал, — продолжал он, косясь на Ли Жуна. — Слышал, хозяева померли... вроде как... — вор хотел было ляпнуть что-то из слухов, но, заметив хрупкую спину старости и его белые кисти рук, быстро прикусил язык. — Сказали, тут один школьник остался. Я и подумал — дело плевое. Приду и заберу. Кто ж знал...

Кто же знал, что этот бледный дохляк окажется таким цепным псом. Знай он заранее, ни за что бы не ввязался.

Он, не оборачиваясь, спросил ледяным, полным усталости голосом:

— Кто тебя нанял?

Грабитель не сразу сообразил, что к нему обращаются.

— Да не знаю я его! Он в маске был, в кепке и в очках темных. Специально рожу прятал. — Вор вдруг оживился, стараясь выложить всё, что знал. — О! Погоди... Он не молодой уже, точно. Седина была видна. Невысокий такой, до метра восьмидесяти не дотягивает. Не тощий. Голос у него такой... тяжелый, басовитый. Больше ничего не помню. Налом заплатил, половину сразу выдал.

Цэнь Сяо взглянул на Ли Жуна, но тот не проронил ни слова. Судя по описанию, этот человек не был ему знаком.

— Когда ты должен был отдать пакет? — спросил Цэнь Сяо.

Вор замотал головой:

— Не отдавать! Он велел вынести и сжечь. Сказал: сожги и забудь, что этот пакет видел.

— А как он должен был передать остаток денег?

— Завтра Праздник двойной девятки. Он велел сжечь пакет у входа на станцию метро «Байлэань» на торговой улице. Деньги обещал оставить в кустах неподалеку, завернутыми в обрядовую бумагу. Там их точно никто не подберет.

Торговая улица была самым оживленным местом в городе А, а станция «Байлэань» — крупнейшим пересадочным узлом. Толпы народа там были всегда, а уж в праздник и подавно. В этот день в городе разрешалось жечь ритуальные деньги на обочинах, так что костерок у входа в метро не вызвал бы никаких подозрений. Заказчик был предельно осторожен — он полностью исключил возможность личной встречи и раскрытия своей личности.

Цэнь Сяо пристально посмотрел на грабителя. Опыт подсказывал ему, что тот не лжет. И повадки, и одежда выдавали в нем обычного мелкого сошку. Впрочем, позже он обязательно всё перепроверит.

Он молча ждал реакции Ли Жун. Он не знал, что именно лежит в конверте, но Ли Жун — знал.

Вор, желая доказать свою полезность, затараторил:

— Я правда больше ничего не знаю! Всё выложил! Может, вы это... в полицию заявите? Пусть его поймают. Я помогу... как там это? Фоторобот? Опознаю его!

Ли Жун глубоко вдохнул, его пальцы до белизны впились в край раковины. Обрывки информации проносились в голове — из этой жизни, из прошлой. Они были похожи на осколки разбитого зеркала, которые никак не желали складываться в единую картину. Судя по описанию, он действительно никогда не видел этого человека.

Зачем кому-то уничтожать рукописи его отца? За последнее время он изучил их вдоль и поперек. Кроме гипотезы об оптимизации CAR-T и ослаблении CRS, которая была нужна Ли Байшоу, там не было ничего принципиально нового. Всё остальное уже давно было опубликовано в виде статей или вошло в учебники. Чего же этот человек так боялся?

В одном Ли Жун был уверен: это не Ли Байшоу. Тот хоть и не смог получить жесткий диск у следственной группы, но спешить ему было некуда. Никто бы и не подумал, что сын Ли Цинли, едва перешедший в выпускной класс, способен довести работу до конца и отправить её в зарубежный журнал. К тому же Ли Байшоу не знал, где хранятся рукописи и как они выглядят — иначе он не ушел бы так просто в прошлый раз.

Да и приказ сжечь документы не в интересах Ли Байшоу. Ему нужна была сама гипотеза, а не её пепел.

Цэнь Сяо поднялся, сжимая пакет в руке. Он подошел к Ли Жуну и заметил, как тот напряжен. Слегка коснувшись его спины, парень заставил его повернуться.

— Что ты упустил?

Ли Жун вздрогнул и поднял взгляд. Цэнь Сяо стоял слишком близко — он кожей чувствовал

исходящий от него жар. При таком расстоянии ему волей-неволей пришлось смотреть прямо в глаза другу.

Цэнь Сяо, не сводя взгляда с его покрасневших глаз и запекшихся губ, сунул пакет ему в руки. Затем его ладонь скользнула вниз, по-хозяйски обхватив тонкую талию:

— Успокойся. То, что противник нанял такого никчемного идиота, говорит лишь об одном: он в панике.

Староста опустил взгляд, невольно напрягая пресс. Несмотря на одежду, каждое прикосновение Цэнь Сяо вызывало у него мгновенную внутреннюю реакцию. В такой позе, на таком расстоянии собеседник вполне мог прижать его к раковине и поцеловать. Раньше он бы именно так и поступил.

Впрочем, эта пугающая близость помогла ему вынырнуть из пучины гнева. Если рукопись хотели уничтожить, значит, в ней всё же было нечто такое, что не должно было попасть в чужие руки. Не опубликованные труды, не известные всем факты — что-то другое.

Единственное, что вызывало у него сомнения раньше — вырванные страницы. Он-то думал, что отец сам их уничтожил. Он быстро развязал бечевку и вытащил листы. Теперь не было смысла скрывать перед Цэнь Сяо. Он быстро пролистал страницы до того самого места, где повествование обрывалось.

Нескольких листов явно не хватало. Ли Жун провел пальцами по краю бумаги, словно пытаясь уловить настроение отца в момент работы. Сосредоточенность, серьезность, благоговение перед жизнью и научный азарт.

Цэнь Сяо взглянул на рукопись и коротко бросил:

— Части не хватает.

Ли Жун сглотнул, хмурясь:

— Это не отец их вырвал.

Это содержание было настолько важным, что враг не поленился найти нужные страницы в огромной стопке бумаг и изъять их. Цэнь Сяо не разбирался в биохимии, но видел, что остальные листы не вызывают у старосты такой бурной реакции. Значит, в них проблемы нет.

Цэнь Сяо слегка сжал его талию, направляя мысли:

— Они наверняка не подчистили всё до конца.

Веки Ли Жуна дрогнули, дыхание стало тяжелее. Верно. Если бы они всё уничтожили, не было бы нужды рисковать и посылать вора за остатками. Но где же этот след?

Юноша развернулся прямо в руках Цэнь Сяо и поднес рукопись к свету. Лучи упали на, казалось бы, гладкую бумагу. Под определенным углом проступили неровности — следы от слишком сильного нажатия пера на предыдущем листе. Староста сощурился, изучая каждый миллиметр поверхности.

И он нашел. В самом верху страницы, под наброском химической структуры, едва заметно проступали вдавленные знаки:

«Не посрамил чести, жду добрых вестей».

Больше ничего. Прочитать то, что было написано еще раньше, было невозможно. Видимо, на этой странице было всего несколько слов, а остальное пространство пустовало, поэтому враг потерял бдительность и не стал её вырывать.

Рука его скользнула с талии Ли Жуна к основанию позвоночника, но он не стал вольно распускать руки, несмотря на соблазнительные изгибы тела юноши. Склонившись к самому уху Ли Жуна, он уверенно произнес:

— Эти слова... они должны тебе о чем-то говорить.

— Он всегда писал это, когда был абсолютно уверен в успехе исследования, — прошептал Ли Жун. Его зрачки сузились.

Ли Цинли был ученым старой закалки, с долей сентиментальности. Видимо, эта привычка осталась у него еще со времен стажировок в зарубежных лабораториях. После успешного эксперимента он любил вместе с коллегами засесть в каком-нибудь баре, где подавали картошку фри и пиццу, пить до утра, петь песни и обниматься, а в два часа ночи покорно возвращаться в общежитие за руку с Гу Нун.

А еще он любил перед началом первой фазы клинических испытаний размашисто черкнуть на полях своего блокнота: «Не посрамил чести, жду добрых вестей». Пользуясь тем, что иностранцы всё равно не поймут, он не стеснялся этого торжественного девиза. Позже, когда он вернулся в Китай и начал преподавать в Университете А и работать в Исследовательском институте «Хунсо», об этой привычке узнали многие.

— Значит, и в этот раз всё закончилось успехом, — подытожил Цэнь Сяо.

— И тот человек знал об этом обычае, — тихо добавил Ли Жун. — Именно поэтому он испугался и решил уничтожить зацепку.

— А значит... — Он не стал договаривать, давая Ли Жуну возможность самому прийти к выводу.

Голос юноши становился всё тверже:

— Это кто-то из тех, кто лично знал моего отца. Возможно, первый раз он сам пришел и вырвал страницы. Он разбирается в теме: схемы, выводы, графики — он точно знал, что именно нужно убрать.

— Это лишь одна из версий, — напомнил Цэнь Сяо. Нельзя было с уверенностью сказать, что тот, кто вырвал страницы, и тот, кто нанял вора — одно и то же лицо.

Ли Жун кивнул:

— Если следовать этой логике, он действительно, как ты и сказал, в панике нанял мелкого воришку. Он не пришел сам, потому что ему не хватает духу или возможности. В первый раз он наверняка вошел в мой дом на законных основаниях. Но таких людей слишком много.

В день, когда всё случилось, сам юноша лежал в коме после отравления газом. Целую неделю он был без сознания, и в это время в доме перебивала уйма народу: родственники, коллеги, полиция, пресса, судебные приставы и риелторы.

— У него не так много власти и решимости, раз он действует так топорно, — заметил Цэнь Сяо.

Этот человек совершил фатальную ошибку. Вернись Ли Жун из больницы в обычном состоянии, он бы и не вспомнил о бумагах родителей. Забери вор всю рукопись сразу, Ли Жун мог бы списать это на опись имущества. Но заказчик занервничал, побоялся действовать сам и доверился первому встречному вору.

Ли Жун думал о том же:

— Скорее всего, он даже не доложил начальству о том, что сделал. Побоялся, что вскроются его промахи, и решил замести следы в одиночку.

Всё это казалось иронией судьбы. Не забудь Ли Жун телефон, вор бы преспокойно ушел, и завтра рукопись превратилась бы в пепел. Даже если бы он позже обнаружил пропажу, все улики были бы утрачены навсегда.

— Срезал траву, не вырвав корень... Тот, кто его использует, тоже не блещет умом, — небрежно бросил Цэнь Сяо. Нужно было с самого начала забирать и уничтожать всё. Нерешительность всегда оставляет лазейки.

Ли Жун медленно покачал головой:

— А может, он просто считал, что это единственное, что осталось мне от родителей.

Если этот человек и впрямь был их другом.

Грабитель, вжавшийся в стену, ни слова не понимал из их разговора. Он робко подал голос:

— Я... мне можно идти? У меня это... в горле холодно. Я же не помру, а?

Цэнь Сяо убрал руку с талии собеседника. Взяв пустой крафтовый пакет, он подошел к куче мусора, собранной Цзянь Фу, и набил конверт старыми бумагами примерно такой же толщины. Завязав тесемки, он бросил пакет к ногам вора.

— Сжигай это. И рот не разевай. Иначе точно подохнешь.

Вор судорожно сглотнул. Угроза Цэнь Сяо заставила его ноги окончательно онеметь. Он дрожащей рукой потянулся к пакету и тут только вспомнил, что правая рука не слушается. Он уставился на неё в ужасе, не смея просить о помощи.

— Хорошо... всё сделаю.

Он нахмурился:

— Эй.

Ли Жун не ожидал, что Цэнь Сяо так просто отпустит его — ведь это была первая живая ниточка к делу родителей.

Цэнь Сяо ответил коротко и ясно:

— Если не хочешь завтра услышать в новостях о «еще одном самоубийстве от газа» — не мешай.

Юноша закрыл глаза и промолчал. Сейчас они оба были слишком далеки от настоящей власти, их ресурсы были ничтожны. Вспугнуть змею раньше времени было бы фатально.

Цэнь Сяо перехватил правую руку вора. Резкий толчок, сухой хруст — и сустав встал на место.

— А-а-а! — вор взвыл от боли. Рана на шее, начавшая затягиваться, снова открылась, и кровь часто закапала на пол.

Но он не стал задерживаться ни секунды. Схватив пакет, он пулей вылетел за дверь и исчез в ночи. Ли Жун даже не посмотрел ему вслед. Он знал, что у того есть способы следить за этим человеком и он никуда не денется.

Когда шаги стихли, в доме остались только они вдвоем. В тишине гостиной ярко выделялась лужица крови и глубокие царапины от ножа на полу. Напряжение наконец отпустило Ли Жуна, и он, прижав руку к груди, зашелся в мучительном кашле. Схватка отняла у него все силы, а осознание случившегося окончательно вымотало.

Опираясь спиной на раковину, староста стоял бледный, с помутившимся взглядом. Пряди волос упали на лоб, а жилка на шее часто билась. Он тяжело дышал, массируя ноющий желудок — в этот миг он выглядел предельно уязвимым.

Цэнь Сяо вытащил несколько салфеток, присел и спокойно вытер кровь с пола. Выбросив их в ведро, он подошел к раковине помыть руки. Ли Жун стоял рядом, плечом к плечу, но ему было лень даже отойти.

— Староста, ты в таком состоянии, а всё еще так уверен в себе, раз остался один в доме, — как бы невзначай заметил Цэнь Сяо.

Тот замер и покосился на него. Уверенность у него и правда была — всё-таки он два года тренировался под началом Цэнь Сяо из будущего. Продержаться пару минут, пока друг не прибежит на помощь, он точно был способен. Но сказать об этом он не мог.

— Так сильно бил ножом, и при этом умудрился не задеть ничего важного... Видимо, навык всё же есть, — продолжал Цэнь Сяо. Голос его был спокойным, но Ли Жун чувствовал, как напряжены его плечи. Кажется, он всё-таки злился.

Ли Жун опустил глаза и едва заметно улыбнулся.

— Наверное, я просто больше верил в способности своего соседа по парте. В то, что он проявит их в нужный момент.

Цэнь Сяо вскинул бровь. Не успел он ответить, как его телефон в кармане — как раз с той стороны, где они соприкасались плечами — начал вибрировать. Староста лениво отодвинулся, освобождая место.

— У меня руки мокрые. Давай ты, — бросил Цэнь Сяо.

Ли Жун фыркнул, отбросил волосы с лица и полез в карман друга. Там было тепло — настолько, что ему совершенно не хотелось доставать трубку и отвечать на звонок, который на 99% был от Цзянь Фу. Он вытащил телефон, мельком глянул на экран и, показав его владельцу, включил громкую связь.

Голос Цзянь Фу, полный возмущения, мгновенно заполнил комнату:

— Твою мать, мясо уже оттаяло! Вы там телефон забираете или священные писания переписываете? Цэнь Сяо, за это время ты бы уже успел с Ли Жуном перепихнуться и вернуться!

Ли Жун промолчал.

«...»

Он так и знал, что этот звонок не сулит ничего хорошего.

<http://bllate.org/book/15351/1420486>